

О. В. Ловцова

Екатеринбург, Россия

O. V. Lovtsova

Ekaterinburg, Russia

**СОЦИОФРЕНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ
Е. КЛЮЕВА «АНДЕРМАНИР ШТУК»**

Аннотация. Рассматриваются речевые стратегии, представленные в романе Е. Ключева «Андерманир штук». Анализируются приемы словесного воздействия с целью захвата сознания человека, подчинения его воли. Речевому насилию противопоставит «дискурс искусства», создающий зону интимного диалога близких людей вне тоталитарного общества.

Ключевые слова: дискурс; речевая агрессия; тоталитарное общество; раёк (присказка).

Сведения об авторе: Ловцова Ольга Валерьевна, студентка 3 курса Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 279.
e-mail: olyalovtsova@mail.ru.

**SOCIOPHRENIC DISCOURSE IN THE NOVEL
BY E. KLIUEV «ANDERMANIR SHTUK»**

Abstract. Speech strategies in the novel by E. Kliuev «Andermanir Shtuk» are discussed. Ways of verbal manipulation aimed at capturing the consciousness and bending it to will are analyzed. Verbal violence is opposed to «Discourse of Art» which creates the zone of intimate dialogue of dear people outside the totalitarian society.

Key words: discourse; speech aggression; totalitarian society; the gods (embellishment).

About the author: Lovtsova Olga Valerievna, 3d Year Student of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Евгений Васильевич Ключев — современный русский поэт, писатель, драматург, ученый-филолог, специализирующийся на лингвистической прагматике, которая рассматривает язык в коммуникативном аспекте, т. е. в связи с говорящим субъектом, адресатом, целями и условиями общения. Жанр своего романа «Андерманир штук» Е. Ключев определил как социофренический роман.

Социофрения, по терминологии А. Добровича, представляет собой психическое заболевание общества, вызванное «мифологизацией мышления» под влиянием тоталитарной власти и идеологических установок и проявляющееся в ряде специфических синдромов. Под социофренией понимается некое бредовое состояние общества, напоминающее шизофрению. Различие заболеваний видится в том, что шизофрения — совокупность синдромов, которые приводят к расстройству мышления и распаду сознания конкретной личности, а социофрения является массовым заболеванием [Добрович].

В романе Е. Ключева «Андерманир штук» представлено художественное осмысление последней фазы социофрении (деморализации советского общества, находящегося на пороге перестройки), репрезентирующей в так называемом социофреническом дискурсе: *Такое было время. Со-ци-о-фре-ни-че-ско-е. Страна бредила наяву, страна спала с открытыми глазами* [Ключев 2010: 400] *Ох-хо, мы обманутое поколение... Нас вырастили в этой стране, вырастили под ее потребности, приспособив к жизни в ней, — и как раз тогда, когда мы стали взрослыми, с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о-л-е-т-н-и-м-и, выяснилось: страны, для которой нас вырастили и приспособили, больше нет. Что теперь будет с нами?* [Там же: 461].

Смысл романа объемлен, но особо пристальное внимание внимание автор, будучи лингвистом, уделяет речевой организации произведения. В речи героев реализуются различные типы дискурса: так, речевую деятельность фокусника Антонио Феери можно определить словосочетанием «сакральное слово», речь Льва несет в себе черты шизофренического дискурса, а тип языкового мышления шарлатана Бориса Ратнера можно охарактеризовать как «пустой» дискурс. Механизм «речевого зомбирования» (идеологического гипноза) автор показывает на примере образа Ратнера, возможным прототипом которого явился А. Кашпировский, отечественный психотерапевт, проводивший лечебные сеансы по телевидению в начале 90-х гг. Вся страна (по крайней мере, ее женская часть) с волнением усаживалась перед голубыми экранами, надеясь на исчезновение шрамов и рубцов, оптимизацию давления и сердечной деятельности.

Борис Ратнер представлен в романе как предприимчивый человек, вовсе не экстрасенс, но блестяще владеющий одной из речевых стратегий — стратегией «забалтывания» (пустословия). Это тип советского омассовленного человека, больного социофренией. Результатом последней стадии болезни является создание разнообразных религиозных и эзотерических учений, философских течений и школ.

С раннего детства Борис Ратнер демонстрировал ораторский талант, причем из своего дара он всегда извлекал выгоду: за обедом ребенок мог заговорить мать настолько, что та не успевала уследить, все съедает сын или только лакомство, в школе на уроке Ратнер мог ответить отлично, не владея учебным материалом, вернувшись домой позже, чем было наказано,

разражался монологом перед родителями, и они забывали его ругать, в институте юноша забалтывал преподавателей на экзамене, чтобы получить хорошую отметку, не прилагая усилий.

Постоянное использование слова в утилитарных, корыстных целях привело к тому, что Борис вырос совершенно неподготовленным к взрослой жизни человеком, где необходимо действовать, а не болтать. Но Ратнер, как говорится в романе, сумел поймать «счастливую волну», когда интеллект общества уже был разобщен. Под руководством экс-филолога Коли Петрова Ратнер решается проводить психологические сеансы, на которых намерен демонстрировать свои экстрасенсорные способности (чтение мыслей собеседника), которыми не обладает в действительности.

Коля Петров внушает Борису, что талант в этом деле не нужен вовсе: *Сила всякого „демонстратнера“, объяснил Коля Петров, не в тех альтернативных способностях, которыми „демонстратнер“ располагает, а в отточенности его коммуникативных стратегий* [Там же: 93]. Успех сеансов Ратнера зависит от его умения общаться с публикой. Ратнер разрабатывает несколько техник ведения беседы, применение той или иной схемы разговора зависит от того, кого именно приходится Ратнеру «дурачить». Это не составляет труда, поскольку у «массового» человека мысли предсказуемы, стереотипны, примитивны. Прекрасно понимая это, Коля даже намечает Ратнеру темы для бесед: *...продуктивная тема с женой... <...> с женой, которая все испортила, жены всегда все портят, отсюда я бы шагнул в семейную жизнь, которая не удалась, в конфликт с детьми...* [Там же: 96].

Методика «разговаривания» Ратнера с информантом сводится к тому, что человека нужно заболтать настолько, чтобы у него не было возможности управлять собственными мыслями, так как во время беседы мысль человека есть результат влияния слов собеседника: *Вот скажи мне честно, ты сейчас о чем думаешь? — Я думаю о том... Я ни о чем не думаю, я за твоими словами слежу* [Там же: 94]. Другими словами, говорящий провоцирует слушающего на определенную мысль, поэтому достаточно легко предположить, что думает собеседник в данный момент. Ратнер усваивает эту стратегию и оттачивает свое мастерство в репетиционных разговорах с Колей, который подмечает, что Ратнер в момент овладения сознанием «жертвы» паразитически похож на дьявола: *Прямо демон, а не Демонстратнер. Даже внешне меняешься... действительно демонические какие-то черты появляются* [Там же: 97].

Первые опыты «прочтения» (фактически — внушения) мыслей протекали в русле диаволического дискурса [Ханзен-Лёве: 165], который отрицает возможность коммуникации в принципе. Беседа имеет одну лишь функцию: разоб-

щение мыслей, сознания собеседника, разрушение коммуникативной функции диалога. Смысл многословного разговора (речевой экспансии) становится труднопонижаемым, но в этой недоступности смысла и кроется гипнотическая сила. Ратнер становится привлекательным для всех: *Его редкостная манера никогда не затягивать жертву на собственную территорию, но убивать ее только и исключительно на территории, принадлежащей ей самой, была настолько подкупающей, что устоять против этой манеры не было ну просто никакой возможности* [Клюев 2010: 295].

Динамика «пустого» дискурса Ратнера характеризуется трансформацией техники «забалтывания» в более изощренную стратегию, которую Борис Ратнер называл «охотой», т. е. от подобия коммуникации Ратнер переходит к откровенной речевой агрессии. В этом случае успех псевдиалога достигается не многословием речи, а качеством и смыслом произнесенного слова или заданного вопроса: *...иногда оказывалось довольно и немногих, но эффективных слов* [Там же: 295]. Так, у Ратнера получается вовлечь в беседу Льва, который не был настроен на диалог с ним, одним лишь заданным как бы невзначай провокационным вопросом: *Я Вас чем-то не устраиваю?* [Там же: 549].

Совершенствуя свой опыт, Демонстратнер приходит к следующему выводу: *...главный закон межличностной коммуникации: собеседник считает разговор о нем самом* [Там же: 296]. Так Ратнер в своей дискурсивной практике реализует тактику «молчания» и «онемения», которая является одной из ключевых в «пустом» дискурсе [Добрович: 166]. Отныне Ратнер предоставляет собеседнику все речевое пространство целиком, давая о себе знать лишь тогда, когда монолог «жертвы» заходит в тупик. Тенденция к умолчанию намечена косвенно в самом начале карьеры Ратнера-экстрасенса: на афише, зазывавшей на его сеанс, перечень талантов венчался многоточием, которое «приоткрывало перспективу якобы безграничных возможностей Бориса Ратнера».

Бесовская природа персонажа романа заключается в том, что, обладая техникой «пустого» дискурса, он практически без усилий может получить любую информацию о собеседнике и подчинить его волю себе.

Апофеозом деятельности Ратнера становится открытие Академии тонких энергий, которую иначе называл Ратнер «Школа Бориса Ратнера». В этом псевдонаучном и псевдодуховном заведении Борис Никодимович преподает дисциплину, которую студенты называют сокращенно «НЛП». Если в начале своей карьеры Ратнер пытался влиять на психику людей тайно, не раскрывая информанту сути механизма зомбирования, выдавая отточенные приемы общения за экстрасенсорный дар, то открыв свою школу, Ратнер с удовольствием и

гордостью расшифровывает аббревиатуру «НЛП»: с интонацией мэтра Борис поясняет, что он преподает курс нейролингвистического программирования, уже не скрывая того, что программирование — это стратегия подавления личности путем речевого насилия.

Можно проследить, как эволюционирует образ Бориса Ратнера в романе «Андерманир штук»: он постепенно превращается из пустослова и болтуна в опасного человека, осознающего свое величие, способного не только получать нужную информацию, но и уничтожать своих собеседников — слово Ратнер использует уже не в качестве средства получения какого-либо блага, а как оружие.

Художественный мир романа «Андерманир штук» устроен таким образом, что провокативному и деструктивному дискурсу Бориса Ратнера противопоставлен дискурс Льва Орлова и Антонио Феери. В образах Льва и деда Антонио аккумулируются светлые стороны мира, изувеченного социофренией. На фоне отношений Льва и деда, выстроенных на любви, взаимопонимании, жалости и чуткости, фигура Бориса Ратнера выглядит лишь химерой, порождением фантазии Коли Петрова.

Принципиальное отличие дискурсивных практик Льва и Антонио Феери от речевой стратегии Ратнера заключается в том, что их языковое мышление не заражено социофренией. Сознание Бориса Ратнера полностью идеологизировано, но рассудок у Льва и деда Антонио свободен от различного рода политических установок. Если основная функция пустого дискурса Ратнера — это насилие, то для Льва и Антонио Феери слово обладает чудесной силой. В речевом взаимодействии деда и внука особую функцию выполняет раёк «Андерманир штук»: *Стишок не стишок, прибаутка не прибаутка — не поймешь что, одним словом* [Клюев 2010: 41]. Еще в своем детстве услышал эту присказку дед Антонио и запомнил. А с появлением на свет Льва «Андерманир штук» превратился в подобие колыбельной, не услышав которой, левенок, как ласково его называл дед, не мог уснуть: *Лев засыпать никак не хотел — и что вы думаете, заснул как миленький! А на следующую ночь и сам уже попросил андерманир штук — да ради Бога* [Там же: 42]. Повзрослев, Лев уже сам читает «Андерманир штук» деду: *С дедом Антонио ничего не случится, пока Лев лечит его этим лекарством — андерманир штук* [Там же: 274].

Так чтение райка «Андерманир штук» превращается в ежедневный, необходимый для поддержания жизни ритуал. «Андерманир штук» выполняет функцию успокоения внука перед сном, а потом и умиротворения заболевшего деда. Также произнесением присказки сопровождается переход Льва из мира живых в мир мертвых. Таким образом, раёк несет в себе черты заклинания. На это указывает и нежелание деда Антонио говорить со Львом о проис-

хождении «Андерманир штук»: *Только, Лев, не спрашивай меня, откуда этот андерманир штук* [Там же: 41]. Момент чудесного, таинственного сопровождает не только чтение данного текста, но и сам факт знания этих слов, обладания чудесной формулой. Когда дед делится с внуком стишком, Лев начинает ощущать свою избранность, для него становится важным, чтобы больше никто не знал про «андерманир штук».

Кроме того, черты заклинания проявляются в присказке про «андерманир штук» в особой организации текста. Текст выглядит странным и недоступным для понимания. Уже в первых словах райка ощущается эта загадочность. Существует несколько точек зрения на происхождение словосочетания «андерманир штук»: этими словами балаганщики приглашали горожан на праздничные зрелища; в переводе с немецкого языка выражение «*anderer manier stück*» имеет значение «другого рода вещи». Всё это указывает на внерассудочность данной словесной формулы.

Присказка «андерманир штук» сочетает в себе сказочную и парадоксально-игровую традиции. Весь текст состоит из 7 куплетов, написанных с явной установкой на устное произнесение, так как в лексическом плане преобладают разговорные, просторечные слова. Каждый куплет начинается со слов «А вот андерманир штук» и имеет особый ритм, парную рифму. Содержание текста балансирует на грани реальности и шуток, игры: *А вот, друзья, андерманир штук — город Вена, где живет прекрасная Елена, мастерица французские хлебы печь. Затопила она печь, посадила хлебов пять, а вынула тридцать пять. Все хлебы хорошие, поджарые, сверху пригорели, снизу подопрели, по краям тесто, а в середине пресно* [Там же: 617].

Если в классической заклинательной формуле весь интерес сосредоточен на выражении желаний, то в «Андерманир штук» отсутствует утилитарная подоплека. Смысл чтения этого текста заключается не в получении какого-либо блага, а в осуществлении акта коммуникации, проявлении бережного и доброго отношения друг к другу.

Присказку «андерманир штук» можно рассматривать как метафору искусства, которое облагораживающее действует на сознание и душу человека. Раёк «Андерманир штук» успокаивает Льва, дает утешение и опору состарившемуся и ослабевшему Антонио Феери, роднит души внука и деда, обеспечивает их тесную связь даже после смерти последнего, но совершенно очевидно, что гармонию в отношениях этих людей поддерживает не столько сам текст присказки и осуществляемый ритуал ее чтения, сколько абсолютная, искренняя и непреложная вера в чудодейственную силу слова.

Таким образом, в романе «Андерманир штук» Е. Клюев продемонстрировал две страте-

гии обращения человека со словом: речь Бориса Ратнера, апеллирующего к стереотипам обыденного сознания, по своей природе деструктивна, шарлатан эксплуатирует язык в корыстных целях, тогда как в дискурсивной практике Льва и Антонио Феери, для которых ориентирами в жизни являются истинные ценности (преемственность поколений, доверие, любовь и забота по отношению к близкому человеку), а не идеологические установки, репрезентируется чудо общения и взаимопонимания людей.

ЛИТЕРАТУРА

Добрович А. Социофрения. URL: http://www.elektron2000.com/dobrovich_0153.html.

Клюев Е. В. Андерманир штук : социофренический роман. — М. : Время, 2010.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха. — СПб. : Академический проект, 1999. (Сер. «Современная западная русистика». Т. 20).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская